

Спустя полтора месяца, благодаря тому номеру телефона, который мне оставила в самолёте всевластная пассажирка, я стал инструктором Бабушкинского райкома комсомола. Я сразу понял, что от меня требуется. Отвечал за прием в комсомол учащихся ПТУ. Принимали по пятницам. С утра я заезжал в очередное ПТУ, снимал с занятий одну группу и часа четыре вдалбливал им несколько вопросов: когда, кто и сколько орденов и за что, кто первый секретарь и т. д. После обеда ребята «блестяще» отвечали на все вопросы, а я выполнял, а то и перевыполнял определенную мне норму. Изумленная комиссия чмокала губами, да приговаривала: «Ай да Ваагн, ай да молодец». Радужные перспективы маячили на горизонте. Друзья-коллеги то один, то другой уходили на повышение: кто в райком партии, кто перебирался в ЦК комсомола, кто на руководящую работу замом, а то и директором. Вероятнее, всего это зависело от того, кому какого уровня родственница встречалась в общественном транспорте.

Как-то однажды позвонила заведующая отделом кадров Синилина:

- Карапетян, тебе в следующем году 27 исполняется?
- Наверное, — растерялся я. — Не подсчитывал.
- Да, да. Ну, зайди, как освободишься.

Я тут же отложил ежеквартальный злополучный статистический отчет Форма № 9, над которым корпел уже целую неделю, и отправился к Синилиной. По дороге попытался сообразить, что означал бы этот звонок. В комсомол принимают до 27 лет, но какое это имеет отношение ко мне? Может, в партию автоматом или квартиру вне очереди? «Неплохо бы — вслух пробормотал я и уже вполголоса по-хозяйски произнес: — Но только и то и другое вместе, иначе не соглашусь».

Синилина холодно посмотрела на меня и сообщила о том, что в комсомольских органах штатные работники, не являющиеся членами партии после 27 лет, освобождаются от занимаемой должности. По этому случаю попросила расписаться в соответствующей ведомости и на прощанье посоветовала начать поиск новой работы.

У меня в глазах потемнело. “Вот тебе и то и другое”, — подумал я. Да, я не член партии. Вся карьера побоку. На Сахалине как-то проморгал, хотя, нужно признаться, что моё пребывание на Сахалине в подвешенном состоянии, когда и не арестован и не свободен не оставляло никаких шансов прорваться в коммунисты, а в Москве тем более. Что же дальше? Ни специальности, ни образования. Ну, какой из меня педагог?! Начальником бы куда-нибудь, да вот, поди ты — не член партии.

И вдруг меня осенило. Единственный выход — идти в армию. Там стану кандидатом, главное зацепиться, а остальное на гражданке дожду. Взвесил все за и против, как раз на подходе намечался осенний призыв, и я добровольно отправляюсь в райвоенкомат. Там долго не могли понять, чего я хочу от них. Вертели в руках моё потрепанное приписное свидетельство, с трудом отыскивали личное дело. И пообещали: «Повестку пришлем».

Зав. отделом кадров, когда узнала о моем поступке, раскрыла рот от удивления и воскликнула:

— Серьезно? Обалдеть можно! — но тут же поправились: — Передайте — молодец. Вернется коммунистом — трудоустрою.

В указанный в повестке день я прибыл на пересыльный пункт, как на работу в райком — в гражданской форме: при галстукке, с портфелем в руках, в который на этот раз запихнул между книг несколько бутербродов и бутылку армянского коньяка. Вид у меня был такой представительный, словно собрался не служить, а инспектировать наши доблестные вооруженные силы.

Стояла теплая солнечная погода. Прапорщик вынес стул во двор и, просматривая старую подшивку журнала «На страже Родины», грелся на солнышке. Я направился к нему. Меня опередил седовласый мужчина, он подвел к прапорщику двухметрового юношу, очевидно, своего внука и доложил:

— Родионов.

Прапорщик поднял лежащий на земле у ног список и поставил галочку.

— И Карапетян, — добавил я.

Появилась новая галочка. Часа через полтора томительного ожидания я не выдержал и подошел к прапорщику:

— Товарищ прапорщик, может, поедем, а то солнце печет?

— Да не все еще прибыли.

— А кого нет? — полюбопытствовал я невинным голосом, с опаской, как бы начальник не осерчал.

Прапорщик поднял список:

— Карапетяна.

— Как нет?! Вон галочка.

— А он сам где?

— Вот, перед вами стою. Прапорщик аж взвыл от удивления:

— Вы!!!

И, наскоро собрав бумаги, направился к автобусу.

75

Направили меня на Дальний Восток в столицу Еврейской автономной области, в город Биробиджан. Не с умыслом ли это было сделано? Мне это до сих пор неизвестно. Напрашивается параллель; Урин оказался в Израиле а я, ближайший сподвижник, вроде как в отместку, направлен в Еврейскую автономную область. Всё сходится, с небольшой лишь разницей: в Израиле тридцатиградусная жара, а здесь тридцатиградусные морозы.

Да ещё и попал в сержантскую школу воинской части № 324. Тяжело. Успокаивало то, что всем курсантам тяжело в равной мере.

Через пару месяцев в Ленинской комнате появились плакаты «Достоинo встретим XVIII съезд ВЛКСМ!» «С отличием в боевой и политической подготовке к XVIII съезду!»

Нахлынули воспоминания. А ведь и я мог бы быть среди тех, кто готовит съезд. Это каждый день, месяца два, проводить во Дворце съездов. Солидно. На глазах у прохожих показываешь постовому временный пропуск и проходишь в Кремль. Особенно вечером, люди оглядываются и, наверное, говорят:

— Смотри-ка, где работает!

Некоторые, кому по пути, идут за тобой и искоса поглядывают. А ты, уставший, не обращаешь внимания, ну, вышел из Кремля, что в этом такого, работа, как работа.

Вспомнилось, на XVI съезде ВЦСПС, который проходил в Москве во Дворце Съездов, меня, как наиболее «всюдуносущего» сотрудника райкома комсомола, прикомандировали к группе организаторов. Нам достались пионеры, которых мы учили ходить строем да всякие приветственные слова выкрикивать. На обед приносили с собой сухой паек, и каждый размещался, кто как мог. Одни на коленях раскладывали еду, другие, усевшись по-турецки на полу, а я в силу своей природной скромности, дабы другим не мешать и не занимать лишнее на ковровых дорожках место, «трапезничал»... прямо на трибуне, с которой Брежнев выступал, да и Хрущев тоже успел постоять, и остальные, кто поменьше рангом.

Вот однажды, уже перед самым съездом открывается боковая дверь зрительного зала и появляется Леонид Ильич Брежнев со своей свитой. Наблюдательные коммунисты, наверное, помнят, что именно на этом съезде заменили скульптуру Ленина. Раньше наш вождь стоял во весь рост уверенно вытянув руку вперед, а теперь только голова осталась, но покрупнее и посерьезнее и трагичнее выражение лица. Видимо плачевное сползание страны к предсказуемому концу, кем-то с дуру названном коммунизмом, не могло не отразиться на его мимике.

Так вот и решило руководство полюбоваться новым изваянием «горячо любимого». Убедиться, в ногу ли со временем шагает Ильич Первый.

Когда в двух метрах от меня расположилось всё Советское руководство, я не то, что замер, я окаменел. Слышал не только, как сердце бьется, но и как душа в пятку втискивается, вся уместиться не может.

— Здравствуйте, товарищи, — сказал Леонид Ильич, и вся свита за ним проследовала к скульптуре. Я сделал невероятное усилие и кивнул головой.

Пришел в себя только тогда, когда они ушли и за ними захлопнулась дверь.

Наш главный, из аппарата ЦК КПСС, Михаил Сибирцев, видя, как все мы потрясены увиденным, махнул рукой, чтобы собрались вместе.

— Мне говорили, будут смотреть, но чтобы Сам...

Сибирцев потрепал за шею все еще бледную от волнения девушку, профсоюзного лидера одной московской ткацкой фабрики, и ткнул в грудь крепыша из Бауманского района, при этом, широко улыбаясь, добавил:

— Ну что, сдрейфили?

Я, сглотнув слюну, сказал:

— Поздоровался.

— С чего ты это взял? Я не слышал, — возразил Сибирцев

— Нет, не было этого, — подтвердили остальные.

— Может, только с тобой, тогда другое дело, — перевел в шутку Сибирцев.

— Но я же слышал, — теперь не то удивился, не то возмутился я, настаивая на своём.

— Тебе со страху еще и не такое могло показаться, — приснули девушки и притихли.

Так с тех пор и теряюсь в догадках: поздоровался со мной Леонид Ильич или нет?

Теперь вот XVIII съезд комсомола. Где-то там, в Москве далёкой. А я на китайской границе сижу в сапогах и гимнастерке в казарме, пропитанной солдатским потом, нога на ногу, пока офицеров нет, и мечтаю: «Было бы неплохо заявиться делегатом на съезд от нашего округа. Мои знакомые, как узнают, все в обморок попадают. И Синявская, и Власов, и Раиса». Сижу, мечтаю, вдруг слышу, старший лейтенант-замполит Иванцов уговаривает рядового Султанова выступить на комсомольском собрании.

— Да не умею я, товарищ старший лейтенант, — ноет Султанов.

— Чего тут уметь-то, Султанов? Ты техникум окончил, грамотный парень.

— А что за собрание, товарищ старший лейтенант? — обращаю на себя внимание я. И понимаю, что предвыборная кампания по выдвижению себя в делегаты XVIII съезда ВЛКСМ началась.

Замполит и ухватился за меня, как утопающий за соломинку. Рванулся ко мне:

— Слушай, Карапетян, давай на собрании выступи, а?

— Нет вопросов, — отвечаю с показушным равнодушием.

— Карапетян, это серьезно, из политотдела будут. Не подведешь?

— Понимаю, товарищ старший лейтенант, не подведу.

На собрании я выступил всем на удивление с обстоятельным докладом о положении дел в роте: у кого хромает дисциплина, почему на кухне грязно, не забыл строевую подготовку, отметил отличников и побранил тех, кто позорит роту, замолвил словечко о политзанятиях и что нужно сделать, чтобы искоренить отмеченные недостатки. Майор из политотдела не мог дождаться, пока окончится собрание, прямо с места пробубнил:

— Его — на гарнизонную конференцию, пусть и там выступит.

Что-то шепнул на ухо комбату и вышел.

— Собрание закончилось, — вздохнул замполит с облегчением и обратился ко мне: — Молодец, не подвел, теперь готовься на гарнизонную.

— Как скажете, товарищ старший лейтенант, — лихо козырнул я. Я понимал, здесь важно не содержание, так как ничего нового ты никому сообщить не в сможешь. Всем известен беспорядок, царивший в войсках. Важна форма, то есть как подать этот всем известный бардак, благо, некоторые ораторские навыки за время работы в комсомоле у меня накопились. И на гарнизонной конференции я блеснул, сразу приковал внимание зала к себе, выступал не торопясь, поставленным голосом, и на фоне остальных скомканных выступлений моё состоялось. Одним словом, в списке, вернее, бюллетене кандидатов в делегаты на конференцию Краснознаменного Дальневосточного военного округа теперь значилась и моя фамилия. И я был назначен выступающим. Пришлось вносить изменение в доклад: зачеркнул слово «батальон», внёс «гарнизон»

Наша делегация отправилась в Хабаровск на поезде. Поскольку рядовой состав делегации насчитывал в своих рядах лишь одного солдата, то его на ночь забросили в казарму ближайшей воинской части, а остальные — офицеры, прапорщики, курсанты — как-то рассосались сами.

Утром я понял, что никому нет до меня дела и, не дожидаясь приглашения, отправился в столовую, а хлебобрезом там оказался мой земляк... ну, почти земляк, солдат, родом с Северного Кавказа. Он, испытывая всё же ко мне родственные кавказские чувства, гречневой каши порции три отвалил да с собой ещё масла с хлебом завернул.

Приехали за мной. «Где Карапетян? Давай в машину». Здесь до меня дошло: если бы не кавказская солидарность — ходить бы мне неизвестно сколько голодным. Через полчаса въезжаем во двор хабаровского Дома офицеров. Вижу — наши в дверях о чём-то перешёптываются, а им навстречу подходит седой полковник с блокнотом:

— Кто докладчик?

— Да вот он, — показывают на меня рукой.

— Как настроение, сержант?

— Все хорошо, спасибо, — скромно отвечаю я. Вот тут-то и лоханулся я. Скромность оно, конечно, хорошее качество, но как показали дальнейшие события, и в этом вопросе меру знать надо, и место, где эту скромность демонстрировать. В данном случае не скромничать, а уверенность показать бы. Но, увы, знать бы где упадешь...

— Ну, ну, держись, — полковник похлопал меня по плечу, и, что-то черкнув в блокноте, исчез.

Конференция началась. Напряжение нарастало, ведь отсюда прямой путь в Москву.

Мне представлялась вполне достижимой поставленная перед собой цель, поэтому я готовился к конференции особенно тщательно. В нашем батальоне, пребывая в должности комсорга, я пользовался относительной свободой и имел возможность днём репетировать. Я запирался в актовом зале, читал текст с трибуны. Репетировал свой выход. Поднявшись на трибуну, делал небольшую паузу. Рисковал, не знал, как отнесутся к этому генералы. Но я должен, обязательно должен выделиться, убеждал я сам себя. Нужно убедить генералов, что лучше меня никто не сможет проделать то же самое в Москве во Дворце съездов.

Невысокий уровень выступающих вселял надежду. Мямлили один за другим. Неоднократно сбивались, глотали слова. Читали текст сбивчиво, словно куда-то торопились. Видно было, как они волнуются — на фоне зеленых мундиров отчетливо смотрелись их красные рожи. Председатель конференции объявил перерыв.

После перерыва вновь ожидание, неизвестно когда вызовут. Закрался испуг: конференция затягивается, может, не всем дадут выступить. И с каждым выступающим шансы заметно таяли, но надежда, как говорится, умирает последней.

Наконец, председатель объявляет: — Есть предложение дать слово сержанту Карапетяну и старшему лейтенанту Филиппову и на этом закончить прения. Кто «за»?

Лес рук взметнулся вверх.

К тому времени зал подустал. По рядам оживленно шептались. Очевидно рассказывали анекдоты — то там, то здесь раздавался приглушенный смех. Но отступить, как говорится, некуда — не позади, а впереди Москва. Я встал и нарочито медленно поднялся к трибуне. Выдержал паузу. Окинул взглядом зал. Мол, вижу всех. И начал читать. Я почувствовал, зал притих. Подобной тишины, уже не было около часа. Я видел: перестали шептаться и в президиуме. Все обернулись в мою сторону. Я спокойно завершил выступление, придав эмоциональную окраску последней фразе, что вызвало оживление в зале.

Послышались аплодисменты, аплодировали и в президиуме. Сел на место. Усталость мгновенно сковала меня. “Сделал все, что мог”, — подумал я, и до меня донеслась реплика справа: «Молодец, Карапетян». Затем, как по заказу, последовало монотонное выступление старшего лейтенанта Филиппова и утонуло в невероятном гуле.

С заключительным словом выступил генерал-майор Третьяк. Говорил долго и нудно о положении в войсках, о сознательном подходе, о чем-то ещё, только ему понятном и, с целью пояснения сказанного вдруг сослался на меня. Я не понял, о чем шла речь, но свою фамилию точно услышал. Но когда, завершая выступление, он снова повторил

мою фамилию, кто-то из нашей делегации воскликнул: «Карапетян, да ты точно в Москву поедешь!» Я застенчиво улыбнулся: шутить, мол, изволите.

Предложение голосовать списком ни у кого возражений не вызвало. Планировалось избрать девять человек. Я сидел, затаив дыхание: ткни в меня ножом, кровь бы не полилась. Зачитывали предлагаемые кандидатуры. Избранники вставали со своих мест, с тем, чтобы делегаты видели, за кого им предстоит голосовать. Шестая фамилия, седьмая, но список составили не в алфавитном порядке, и это оставляло надежду. Вот и последняя. Зал замер в ожидании.

Председатель конференции на этот раз сделал паузу, посмотрел в зал, перевёл взгляд в сторону президиума, но в президиуме не обращая на него внимания о чём-то оживленно спорили, затем заглянул в свой список и произнёс:

— Прапорщик Иванов Вячеслав Григорьевич. И тут же счастливчик вскочил на ноги, широко улыбаясь и расшаркиваясь во все стороны.

Я замер, отказываясь верить, тому, что услышал. Может быть пропустил? Или это не тот список? Да быть того не может, чтобы моё имя не оказалось в списке. Неужели ослышался? Я ведь видел, как смотрел на меня генерал Третьяк, да и другие тоже? Я ведь так старался, надеялся...

Проголосовали согласно утвержденной сверху традиции свободного волеизъявления советских граждан единогласно и разъехались по частям.

Настроения, конечно, никакого, но что поделать — «се ля ви», как говорят французы. Полтора месяца треволнений позади, теперь передо мной стояла одна задача: поскорее все это забыть.

Дней через пятнадцать вызывает меня парторг капитан Тазиев. Вхожу в кабинет, а у него тот самый седой полковник из Хабаровска с блокнотом. Он подошел и энергично пожал мне руку: «Молодец, хорошо как выступил. Генерал за тебя горой стоял, хотел тебя в Москву, да не сложилось. Если бы ты до перерыва выступил, то и тебя бы внесли в список. Окончательный список делегатов ведь мы определяли во время перерыва, и ориентировались на тех кто уже выступил.

Всю вторую половину конференции девушки бюллетени для голосования печатали, еле успели, А по новой бюллетени печатать, это народ ещё часа три держать, ну не реально было. Ты мне не показался, я твоё выступление на конец и определил. Очень жаль, очень жаль».

Вот тут-то мне действительно стало плохо. Я вышел за территорию батальона и пошел к речке. И долго сидел на берегу, наблюдал,

как перекачивается, журчит вода, как соломинки плывут по воде и с определенного места одних стремительно несет течение дальше, других же захватывает водоворот и топит. Одним словом, фортуна...

В расположение части вернулся, когда уже стемнело. Однако через три дня вновь вызывает капитан, парторг. У него тот же полковник. Капитан, увидев меня, встал с места: « Вы без меня пока поговорите », — и вышел.

— Тут вот какое дело, Карапетян, — плотно прикрыв за капитаном дверь, начал полковник. — Генерал настаивает, чтобы ты ехал в Москву. Выступать некому. Мы вместо лейтенанта Владимирова, заболел он, тебя хотим послать. Только об этом никто не должен знать. Если заикнешься — и себе навредишь, и нам. Много голов полетит. Понимаешь? Ребятам скажешь, в отпуск едешь. Какие вопросы будут, к капитану обращайся, он в курсе. В батальоне больше никто не знает, учти. За тобой в пятницу заедут, а в субботу вы прямым рейсом и отправитесь.

— Мне бы информации поднабрать, — заблеял я от нахлынувшего волнения.

— Оставь это, доклад готов. Хороший доклад, — полковник для убедительности потряс кулаком. — Редактор «Суворовского натиска» писал. В дороге считаешь, подготовишься.

В Домодедово, где приземлился самолет, нашу делегацию встречали московские комсомольцы. Я уже свыкся со своей новой ролью и с замиранием сердца искал среди них знакомые лица, одним словом, оказался на седьмом небе, от счастья сиял как лучезарная звезда. Шикарный автобус покатыл нас по Москве.

Но, увы, в гостинице заминка. Нет моей фамилии в списке. Куда размещать — непонятно. Выяснилось, в Москву по оплошности ушел первый список с фамилией того незадачливого лейтенанта, который «заболел». И все документы по съезду выписаны на его имя.

«Так мне и в Кремль-то не войти», — подумал я и как в воду глядел... Вопрос с гостиницей уладили, в ней я и провалялся всю неделю и по телевизору любовался перипетиями съезда. А по окончании съезда вместе со всеми, не солоно хлебавши, вернулся в свою часть.

Перед увольнением в запас меня приняли кандидатом в члены КПСС. Вернулся в Москву. Но в самолете мне больше не повезло, никакая тётка не стала приставать ко мне со своими предложениями.

А Синилина Ирина Михайловна, та самая заведующая отделом кадров из райкома комсомола, которая обещала меня трудоустроить после службы в армии, если я коммунистом вернусь, за месяц до моего возвращения скончалась от инфаркта.